

ПОХОРОНЫ БОСТОДА ДОБА

1

С первым лучом солнца, в точном соответствии с пожеланием покойного, похоронная процессия с телом господина Доба выдвинулась из городского парка на пустынную асфальтовую набережную города Дивнодольска. Дул ровный сырой ветер с реки, расчесывая и нежно протягивая над чугунной оградой молочные пряди тумана. На специально размеченной площадке процессия сделала первую остановку, и те из граждан Дивнодольска, что уже проснулись, имели достаточно времени, чтобы занять свободные места, ближе к голове или хвосту колонны, в зависимости от личной близости к покойному. Еще не было слышно звуков оркестра (музыканты по одному подтягивались из парка) и распоряжений похоронных служащих, стоявших в сторонке с траурными лентами на рукавах. Несколько хмурых людей, цепочкой выстроившихся за катафалком, вполголоса переговаривались между собой, выкуривали первую утреннюю сигарету, или просто молчали, рассеянно наблюдая серые воды большой реки.

В сырости и серости раннего утра присутствующие были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Сразу за серым кабриолетом, который исполнял функции катафалка (на площадке красного дерева, на месте задних сидений, царственно покоился тяжелый гроб, до времени укрытый бордовым бархатом), стояли две дамы, бывшие, по слухам, в сомнительном родстве с покойным. Старшая, якобы племянница в четвертом колене, похожая на сову, в круглых дымчатых очках, сосредоточенно изучала линию горизонта. Младшая — хорошенькая брюнеточка в сером летнем плащике, по слухам, незаконная подруга покойного, в грустной задумчивости печатала каблучком ямки в земляной заплате.

За дамами следовали: моложавый мужчина с тростью и одутловатым лицом, претендовавший на роль незаконнорожденного сына господина Доба, согбенный старичок в подлинявшем беретике — патриарх местного театра и школьный товарищ Бостода, неопределенного возраста живчик хлыщеватой наружности — заведующий похоронным бюро (тоже причастный к судьбе господина Доба, но уже как бы с другого конца). Далее располагались несколько безукоризненно одетых молодых людей, сотрудников бюро, православный батюшка, в сонном смирении смеживший очи, тщедушный юродивый, втихаря подглядывающий за чем-то там веселым на небе, еще несколько мужчин и женщин, чьи лица в отдалении были уже едва различимы.

2

Впрочем, похороны будут потом. Началась эта история в другом месте и в другое время, за трое суток до начала похорон.

Семнадцатого августа двухтысячного года ровно в двенадцать ночи пассажирский поезд, следовавший из Москвы во Владивосток и намотавший уже три тысячи верст березово-сосновых впечатлений, сделал короткую, без всякого желания, ночную остановку на станции города Дивнодольска. В сущности, остановки и не было: поезд плавно замедлил ход, на несколько мгновений слившись с мрачноватой панорамой провинциальной станции, прогрохотав от вагона к вагону тяжелой железной судорогой, и сразу же начал набирать скорость. Этой шумной заминки хватило как раз на то, чтобы машинист поезда сделал последнюю обжигающую пальцы затяжку, а из седьмого вагона прыгнул на мокрый перрон худощавый молодой человек лет тридцати с холщовой сумкой на плече. Пробежав несколько шагов вместе с движущимся вагоном, он остановился, поискал глазами и помахал рукой бывшим соседям по купе, — они липли изнутри к туманному стеклу, словно дикий зверьки, — и, уже не оглядываясь на поезд, набравший скорость, пошел к зданию вокзала.

Он долго шел по платформе вдоль высокой железной ограды, переступая лужи и пытаясь угадать более короткий путь в город. Но короткого пути не было. Все что могло быть городом по правую от него руку, проступало сквозь прутья ограды лучистыми кляксами огней. Мелкий боковой дождик, неразличимый в темноте, лез к нему за шиворот, а когда он попытался закурить, несколько раз гасил огонь в его ладонях. Сделав на ходу несколько затяжек (гореть была согласна только одна, сухая половина сигареты), он бросил сигарету в урну и вошел в здание вокзала.

Несмотря на горячее для поездок время, молодой человек не встретил на вокзале ни одного ожидающего. Никто, кроме него, не сошел с поезда, и никто, судя по пустующему залу ожидания, не собирался покидать город

в ближайшее время. Из всего разнообразия привычных обитателей вокзала ему встретилась только сухонькая техничка, ловко орудовавшая шваброй между деревянными скамьями. Отставив швабру, она с любопытством оглядела молодого человека с головы до ног, и пока он не скрылся за дверьми, провожала его внимательным взглядом.

Впрочем, сразу за дверью молодого человека ожидала еще одна встреча. Едва он переступил порог зала ожиданий, к нему, появившись ниоткуда, подступил хмурый мужчина в форме лейтенанта милиции. Целую минуту, явно с глубокого сна, он молча пялился на путешественника, и тяжелый вопрос мучительно долго назревал в его глазах, не в силах обрести окончательную форму. Наконец, хриплым со сна голосом, лейтенант попросил приезжего предъявить документ, удостоверяющий личность.

Предъявленного паспорта оказалось недостаточно. Как выяснилось, каждый приезжающий в Дивнодольск, независимо от цели его визита, обязан был пройти процедуру специальной регистрации, и только после этого его пребывание в городе становилось законным. В случае невыполнения этого требования, автоматически вступали в силу разнообразные санкции в отношении уклонившегося лица (в том числе и задержание до трех суток), обстоятельное перечисление которых заняло у лейтенанта несколько минут.

Выслушав довольно занудный монолог лейтенанта, молодой человек с сомнением покачал головой. В конце концов, он решил не связываться с властью, на страже которой стояли такие щепетильные и обстоятельные служащие, и обойтись малой кровью компромисса. Пройдя вслед за лейтенантом в крохотную комнату с непропорционально высоким потолком, он присел на деревянную лавку, такую же, как в зале ожиданий. Лейтенант расположился за столом напротив и, после долгих поисков, положил перед собой серый лист бумаги, который, вероятно, и был бланком регистрации.

- Имя? — спросил лейтенант довольно сурово.
- Белозерцев Мартын Евгеньевич, — ответил приезжий, глядя в пол.
- Возраст?
- Тридцать два года, пять месяцев.
- Не надо остричь... Профессия?
- К делу не относится.
- Мне лучше знать... Профессия?
- Аспирант в отставке.
- Аспирант — каких наук?
- Гносеология иглокожих и брюхоногих.

Лейтенант с подозрением посмотрел на приезжего, но, в конце концов, в брюхоногих, кажется, поверил, во всяком случае, тщательно записал незнакомое слово в бланк протокола.

- Цель приезда?
- Решение личных вопросов.
- По какому адресу намерены проживать?
- Думаю, что по адресу своей невесты, Раскатовой Елизаветы Викторовны.

При упоминании о невесте приезжий глубоко вздохнул и, опустив глаза к полу, принялся тщательно осматривать шнурки на своих ботинках. Впрочем, эта деталь осталась за рамками протокола.

Допрос продлился еще минут пять, после чего Мартын Евгеньевич получил несколько необходимых наставлений о правилах поведения приезжих на территории города Дивнодольска и был отпущен на свободу.

3

На привокзальной площади по-прежнему накрапывал мелкий дождик. Несколько высоких фонарей освещали подозрительным розоватым светом безрадостный пейзаж: вереницу луж, уходящую в бесконечность, пару темных ларьков, под одним из которых дремал огромных размеров пес, трамвайные пути с застрявшим на повороте вагоном. Спускаясь по ступеням длинной лестницы, Мартын подумал о том, что ему гораздо легче было объяснить цель своего приезда лейтенанту милиции, чем самому себе. Все было зыбко, и за каждым утверждением маячила череда вопросов. Никто не ждал его в этом городе, никто не знал о нем и, почти наверняка, никто не считал себя здесь его невестой. И вовсе не для того он добирался сюда двое суток, чтобы нарушить сонный покой этого богом забытого городка. Все, что он хотел — это вернуть утраченное, прикрыть ту зияющую брешь в душе, имя которой было — Луиза. Будь он по-настоящему законопослушен, он, конечно, нашел бы слова... Он попытался представить себе, как объясняет лейтенанту нюансы слова «невеста»: «Видите ли, я всегда был уверен, что могу назвать Луизу, Елизавету Викторовну, своей невестой, во всяком случае, я был уверен в этом до ее отъезда в ваш хмурый городишко. Она, я надеюсь, тоже так думала, возможно, она так думает и теперь, хотя ее поступки в последние несколько недель серьезно пошатнули мою уверенность. Говоря вашим языком, в этом и состоит главная цель моего приезда — выяснить, каковы мои шансы на то, чтобы и впредь называть Луизу Викторовну своей невестой...» Мартын представил себе, как будет меняться лицо лейтенанта по ходу его откровений; трое суток в отделении до выяснения личности можно будет считать подарком судьбы.

Спустившись с лестницы, Мартын пошел через площадь к горящим поблизости шашечкам такси. Огни далекого города, дважды размытые: пеленой дождя и его близорукостью, казались разбросанными случайно, без всякого желания произвести впечатление. Где-то далеко за спиной, словно бессонные ночные духи, перекликались между собой маневровые тепловозы. Пес поднялся с лежанки и несколько минут брел рядом с ним, то подозрительно нюхая перед собой воздух, то зевая и надолго застывая на месте с расклиненной пастью.

Когда Луизе пришла в голову эта идея — посетить свою малую родину, провести несколько душещипательных дней среди ностальгических пейзажей детства, он не почувствовал опасности. Дивнодольск в описаниях Луизы представлялся ему чем-то вроде музея древностей, местом абсолютно лишенным соблазнов для бывалой московской гостьи. Мартын отпустил ее с легким сердцем. Через пару недель она должна была вернуться. Через два месяца он отправился за ней сам.

В сущности, их отношения никогда не были отношениями беззаветно преданных друг другу влюбленных. Отсюда, с расстояния двухмесячной разлуки, это чувствовалось особенно ясно. Их связь скорее напоминала тур вальса, в котором вела Луиза. Она была само движение. По прихоти своей она то приближалась, то отступала, то сливалась с ним в одно восхитительное кружение, то отстранялась и делала несколько рискованных пируэтов со случайным партнером, всегда топчущимся где-то поблизости. Несколько раз он пытался крепче взять ее за талию, притормозить, ощутить устойчивость их союза, но каждый раз ощущал пребывающий холод: словно та саламандра, живущая в языках пламени, Луиза оставалась сама собой только в движении, в непрерывном скольжении по кругу. И потому кружение продолжалось, и снова взмывал на поворотах жаркий шелк ее платьев, самозабвенно сияли серые, чуть раскосые глаза. Кружилась, сияя свежим сусальным золотом, лукавая Москва, кружился, подняв воротничок, вечнопростуженный Петербург, кружилась в соленых солнечных брызгах смуглая белозубая Ялта. И со всех сторон, словно эльфы, слетались знакомые незнакомцы, вольные и юные, и куда-то, словно в сказке, ускользали разноцветные банкноты, бережно сбереженные тремя поколениями Белозерцевых; и уже не было сил остановиться, и не хватало духу посмотреть в глаза, решить, наконец, кем они стали друг для друга... Быть может, именно здесь, в Дивнодольске, она ощутила, наконец, головокружение и, в приступе тошноты, попыталась найти новую опору. Так или иначе, он должен был во всем разобраться сам.

Три письма от Луизы раз от разу становились все более странными и пугающими. Однажды они даже привиделись ему во сне. Белые конверты составляли пролеты большого моста, недостающие до другого берега, обрывающиеся куда-то вниз, в темные, с жирным блеском, болотные воды.

В первом письме она, как и положено, много писала о провинциальной скуке, о том, как трудно приладить горячечный московский пульс к полупустым улочкам Дивнодольска, где время по углам застывает прозрачным студнем, где на каждом повороте встретишь пыльный проулок с чередой низкорослых домиков, горстью старушек на лавочке, сонным котом у водосточной трубы. *«Анечка, — писала она о своей младшей сестре, — стала большой молчуньей и плаксой. Но, при этом, изумительно готовит и кормит меня, словно на выставку, — писала Луиза. — А еще здесь очень много света. Солнце такое прямое и упрямое, что обесцвечиваются даже парики. Боюсь, ты меня теперь не узнаешь. Но я надеюсь, ты будешь гуманен. И когда через пару недель к тебе поступит пишиотелая блондинка с добрыми глазами и назовется моим именем, ты не прогонишь ее на улицу».* В этом же письме она назначала точную дату своего возвращения. С букетом белых тюльпанов Мартын полдня простоял на платформе Казанского вокзала, несколько раз бросаясь с близорукими братаниями на узеньких шатеночек (они, казалось, специально собрались со всего света, чтобы испытывать его терпение), а когда к полуночи вернулся домой, на полу прихожей лежал еще один конверт.

«Письмо, конечно, опоздает. Но это неважно, потому что, в конце концов, все случается вовремя. Теперь я это точно знаю.

Я тоже думала — поздно, думала, что со мной этого уже точно никогда не случится. Но вот оно пришло...

Иногда мне кажется, что это сон. Знаешь, как это бывает: идешь из прихожей в кухню, заворачиваешь за угол и вдруг оказываешься, бог знает в каком веселом месте: глухая ночь, холодный океан, под ногами трещит льдина, ветер рвет платье и рядом в черной воде ворочается что-то огромное и жуткое!.. Впрочем, это даже не страх, — сейчас во мне все так перевернуто, я не могу найти слово. Потом я тебе все объясню, если сама сумею разобраться».

Письма он не понял, и долго кругами ходил по комнате, пытаясь вообразить себе, что же такое должно было произойти, чтобы Луиза, крепко стоящая на ногах, Луиза, с ее ироничным мужским умом, вдруг чего-то так сильно испугалась, что не может найти нужного слова, вразумительно объясниться. Наконец, он остановился на самом грустном и самом вероятном предположении. Не нужно быть знатоком женщины, чтобы угадать за женским смятением широкоплечую тень и крепкий локоть, всегда готовый к услугам.

Третье письмо пришло ровно через неделю. Оно было самым коротким:

«Все закончилось, мой хороший... Прости, что не могу ничего объяснить: любое слово будет чудовищной ложью. Надеюсь, ты сумеешь забыть меня еще быстрее, чем я забыла сама себя. И, пожалуйста, не пытайся меня искать. Я пробовала — бесполезно...»